

В шаге от рая -6/ мистический хоррор

Category: Kitapcy, Mistika we fantastika

написано kitapcy | 22 января, 2025

В шаге от рая -6/ мистический хоррор ***

Ленку уже достала эта дурацкая вечерняя езда по Москве. На автобусах по забитому автомобильными пробками городу. Она порядком измучилась и устала толкаться в толкучках и духоте автобусных салонов. И решила прогуляться ногами до дома Алины. Правда идти предстояло еще далеко, и темнота подступала быстро к суетному вечернему городу. Было

уже начало восьмого вечера. Она выскочила на очередной после пробки остановке и решила дальше не ехать на автобусах вообще. Вдруг опять пробка, то еще можно было надолго застрять на дороге.

– Ни че, себе я проторчала в этих автобусах! Надо было раньше выскочить! Сейчас бы была у Алинки дома! – сама себе вслух, возмущенно, сказала Ленка – К черту все эти автобусы! – и она уверенно и быстро зашагала в направлении Алининого дома.

Идти предстояло еще далеко и по темноте. – «Ну и ладно» – уже сама себе в уме продиктовала Ленка – «Если, что переночую у подружки» – она так и решила – «Завтра вторник и снова в школу, но я успею еще обратно поутру домой и успею переодеться. Если встанем с ней в восемь. Возможно, вместе с Алинкой и забегу домой перед началом первого урока».

Ленка торопилась успеть, хотя бы к девяти.

А в это время ее подругу Алину бросило неожиданно в сон. Она встала со своего стоящего напротив Миленхирима и Александра стула и подошла оперевшись к стене своей комнаты. Ее ноги стали заплетаться и подкашиваться и

Алина по стене подошла к кровати. Прямо на глазах Александра и Миленхирима, она, закрыв глаза и шатаясь, забредила, вслух произнося – Элоим снова зовет меня. Я слышу его зов – она произносила тихо, но четко слышно – Он простил меня и зовет к себе. Зовет обратно. Я нужна ему – она как-то странно и очень тихо, произнесла это, улыбаясь широкой загипнотизированной улыбкой, словно не замечая уже посторонних в ее комнате. Она быстро засыпала и уже видела черный затуманенный лес и знала, куда ей идти.

Миленхирим сказал Александру подхватить Алину, если, что на руки.

Они соскочили оба со стульев и бросились к ней. – Надо успеть, пока она не оказалась без нас там – быстро сказал Миленхирим в теле Вадика и схватил первым падающую уже съезжая по стене мимо кровати Алину – Все началось раньше, чем я сам предполагал. Еще и ночь не наступила, а брат уже захотел ее видеть – он

подтолкнул в руки Александра Алину и положил ей на голову свою левую руку. Следом он положил правую руку на голову Александра и закрыл свои глаза. Он шептал какие-то молитвы, и мир вокруг них стал меняться прямо на глазах. Это открывался проход в мир Элоима.

Александр увидел своими человеческими глазами то, что никогда не видел в жизни. Его уже окружал странный черный лес у кровати

Алины. Один мир сменился мгновенно другим. сменился даже сам воздух. Спальни не было и в помине, только стояла Алинина рядом с ним и Миленхиримом ее кровать. И Алины не было на его теперь руках.

Александр держал ее Алину на своих руках. Но, теперь она из его рук исчезла. И он ее увидел далеко уже впереди себя быстро идущей, поэтому, черному покрытому белым туманом лесу. Когда он ее подхватил она уже во всю, спала и уже оторвалась от них на значительное расстояние. И Миленхирим и Александр вдогонку поспешили

за ней. Перешагивая в белом, по пологу леса стелящемся тумане, через толстые такие же, как и ветки деревьев корни. Они переместились вместе с ней в ее сновидениях в тот мир Элоима. Сработал план Миленхирима. – «Все как он и говорил про проход через нее» – про себя подумал Александр, разглядывая потрясенный первый видами загадочного живого леса. Первый раз в жизни, он, лицезрел, такой странный и черный стволами деревьев лес. Лес, которого он еще в жизни своей не видел. С вывернутыми странным образом ветками. И покрытый, белым понизу туманом, который стелился им прямо под ноги и медленно полз между стволов деревьев. Казалось, он полз именно туда, куда держала свой путь, почти бегом Алина. Впереди их идущих, быстро за ней следом.

Миленхирим показал жестами Александру, что кричать, здесь не следует. Это не их привилегия шуметь в этом лесу, да и хозяин может услышать, раньше времени, что не приемлемо так далеко от его жилища.

Надо было догнать Алину, и он руками, показал Александру, что требуется сделать.

Удивительно, но они быстро сдружились и стали даже понимать почти без слов друг друга. Только успев познакомиться и при таких сначала напряженных обстоятельствах, вдруг нашли общий язык. Александр взял с собой сумку с тем разделочным под мясо тесаком и шел рядом с Ангелом Миленхиримом, еле за ним тоже поспевая.

– «Какое-никакое, а оружие» – думал Александр и держал руку на рукоятке того ножа. Опустив руку на ходу в сумку – «И отлично заточенное. Пальцы можно обрезать» – он по пятам шел Миленхирима прямо по торчащим корням из белого ползущего тумана.

Они вдвоем ели догнали Алину. Она повернула к ним свою, миленькую девичью в длинных темно русых волосах голову, сверкнув своими синими влюбленными от счастья девичьего близкого томными любовными глазами.

— Он опять, хочет меня! — пролепетала дрожащим от волнения и возбуждения голосом спешащая на свидание с любимым Алина — Он ждет меня на своем ложе — пролепетала сладостно и радостно она им.

Как в гипнозе в своем глубоком сне, смотря, словно, сквозь них и пыталась вырваться из рук.

— Я даже вижу его — она им сказала — Вижу его лежащим на своем том нашем общем ложе любви. Вижу его и Изигирь. Она возле него у того каменного ложа. Мой Элоим! — Алина как в бреду произнесла эту фразу.

Миленхирим подскочил к ней — Рассказывай Алина, что там видишь? Тоже что и я? Или по-другому?

— Вы видите оба?! — удивленно спросил Александр.

— Да, я же Ангел, а он мой брат, что удивительного — ответил быстро ему Миленхирим.

Алина снова произнесла — Изигирь с ним о чем-то говорит и ластится как кошка. Соперница проклятая! — и Алина начала вырываться из рук, не отдавая себе отчета, где даже находится — Я ее убью из-за него эту тварь ползучую! — она словно сошла с ума и в отчаянии боясь потерять Элоима, рвалась туда, где ее ждала верная смерть. Она летела к нему сейчас, как ненормальная. Забыв про весь испуг недавний и все страхи, связанные с жуткой гибелью Якова Могильного. Алина летела так, будто уже не боялась никого. Может оно и так. Она же сказала, что любит безумно его, вот и летела как ненормальная на их двух любовников встречу.

— Он хочет видеть снова меня, мой любимый, Элоим! — уже более громко и радостно, как сама себе сказала Алина — Они ругаются друг с другом! У них ссора! Элоим отвергает ее к себе внимание! Он будет моим, мой красавец, Элоим!

— Держи ее крепче, Александр. И не пускай никуда, чтобы она не делала и не кричала! — уже громко сказал Миленхирим в теле Вадика — Мы уже рядом! Мы, почти пришли!

Вырулив из-за большого толстого, наверно, самого толстого стволом черного в этом лесу дерева, они вышли к храму Элоима.

Александр услышал шум воды. Совсем, где-то рядом. Где-то, шумела вода. Наверное, был водопад и где-то рядом недалеко от них. Возможно, в каком-нибудь, углублении между деревьями или овраге.

– Дом! – сказал иронично и с опаской Миленхирим – Милый, дом!

И Александр увидел этот храм любви и порока своими глазами. Он стоял своим фасадом к ним. Ступенями высокого арочного с колоннадой входа под угловатой стеной с загадочным жутким со сценами насилия и прочего разврата барельефом. И угловатой с крутыми скосами полуразрушенной черепичной крыши.

– Боже мой, брат! – произнес Миленхирим – До чего же ты себя довел с этой бешеной сучкой Ада! – и он почувствовал приближение зла и первым ступил на ступени храма своего родного брата. Следом за ним Александр и Алина, удерживаемая им, поднялись к арочному своду входа. В пелене тумана ползущего через сам вход они вошли внутрь под своды нависающей полуразрушенной крыши и колонн подпирающих ее. Стояла полная тишина и какой-то полумрак в этом жутком древнем храмовом помещении, и не было видно никого.

Битва за Элоима

– О, мой родной брат! – произнес снова Миленхирим – Это все сотворил ты! Силой Небесного Ангела!

– Тебе такое под силу, Миленхирим? – тихо ему, почти на ухо, произнес вопросительно Александр.

– Да! Когда у меня снова будет вся Божественная Сила! – и он ни боясь, пошел в глубину храма. За ним Александр удерживая перед собой Алину.

– Как ты думаешь? – спросил его снова Александр – Мы победим?

– Не знаю – ответил Миленхирим – Но на тебя я, если, что тоже рассчитываю. Я не знаю, как поведет себя мой брат в присутствии этой ведьмы Изигири. Иди пока и не о чем не спрашивай – ответил Александру уже более холодно Миленхирим – Нам надо успеть к Солнечному затмению. Пока Луна будет покрывать Солнце. Пока коридор в царство Бога будет для нас обоих открыт. Именно сегодня как сказал мне Умбриэль, именно сегодня. Именно сегодня я получу прощение и вознесусь в царство моего Отца.

Они вошли под своды высокого церковного призрачного храма. Шагая по белому туману туда, где стояло ложе Элоима. Там оно как ритуальный алтарь каменным изваянием, возвышалось в глубине этого готического в загадочных барельефах храма. Храма развращенной любви и неумных сексуальных страстей того кто жил в этом логове непотребного вечного порока.

Туман покрывал само, то ложе любви и разврата и окутывал его своей белой молочной пеленой. Туман клубился над самым ложем плотной пеленою закрывая того кто лежал на нем и видел тех кто посмел потревожить его покой.

– Алина! – раздался громкий под сводами храма голос Элоима.

Алина встрепенулась вся и начала вырываться из рук Александра.

– Элоим! – закричала она – Я здесь мой любимый Элоим!

– Держи ее крепче, Александр – крикнул ему Миленхирим в теле Вадика.

– Алина! – снова громко прозвучал голос под сводами полуразрушенной черепичной храмовой крышей – Я ждал тебя! Любовь моя!

– Элоим! Любовь моя!- кричала Алина сама не своя, вырываясь из рук Александра. Он еле удерживал ее.

– Держи ее! – приказал Миленхирим – Даже, если, будет кусаться! Без тебя мне не справиться! Все случилось раньше намеченного, и еще рано до начала затмения!

Алина, брыкаясь, ударила Александра по его мужскому

уязвимому месту и все же вырвалась. Она бросилась бежать к стоящему впереди в белом тумане каменному ложу Элоима.

Алина понеслась как угорелая, спотыкаясь о торчащие выступающие неровные камни пола, и могла подвернуть ногу, но теперь ее ничто не удерживало, и она почти подлетела к ложу своей любви с Элоимом. Как вдруг ее отбросило что-то назад с силой, и она упала на каменный пол каменного храма уже под ноги самому подоспевшему к ней Ангелу Миленхириму. Перед ней на некотором расстоянии выросла из этого тумана сама Изигирь. Она черной вьющейся тенью над белым туманом вознеслась вверх над полом храма и сверкнула черными светящимися пламенем Ада глазами.

– Все же явилась, сука! – прорычала, шипя по-змеиному Изигирь – Хочешь моего Элоима, соперница! – она подлетела в упор к Алине и Миленхириму и посмотрела в его Ангела глаза. И ты пришел, тот, о котором мне рассказывал Элоим! Ты пришел за своим единокровным братом, Миленхирим! – от Изигири повеяло холодом от ее черной извивающейся в воздухе тени – Ты! – она указала на Миленхирима – И, ты! – она указала на Алину – Не получите ничего! Поняли, оба! – она отлетела в сторону ложа – Он мой! Только мой, и ни чей больше!

– Отойди! – раздался как гром голос со стороны каменного затуманенного белой пеленой ложа – Отойди в сторону! Я сказал!

– Элоим! Любовь, моя! – черная тень, было, бросилась к ложу, но он остановил ее, и она словно, ударившись о невидимую стену, упала в туман, и, вылетев оттуда, закружилась над поверхностью тумана и вокруг, опорных, высоких в резном рельефе колонны каменного храма. Тень как бешенная вилась, и, вырисовывая круги, носилась вокруг тех каменных опор подпирающих крышу этого похожего на католическую церковь храма. Она пугающе по дикому, и звериному, заголосила на разных голосах под сводами полуразрушенного храма любви Элоима. И голос

крикнул ей – Заткнись! Моя очередь спрашивать! – произнес он из тумана со стороны каменного любовного ложа. Тень упала снова в белый туман, и, исчезнув в нем, затихла.

Он произнес, уже теперь обращаясь к Алине – Алина, зачем ты привела этих людей сюда?! – он громко и позвериному прорычал – Я разве тебе не запретил это делать! Зачем ты их снова привела в мой мир, кто тебе дал на это разрешения! Или хочешь быть снова свидетелем моей расправы над ними!

– Любимый! – прокричала Алина – Это твой брат! Он хотел увидеть тебя!

– Молчи! – заткнул ее голосом таким же громким, как и голос Элоима Миленхирим – Я буду говорить! Это разговор между братьями!

– Зачем ты пришел! – прорычал Элоим – Что тебе, здесь надо!

– Я пришел за тобой, мой родной брат! – ответил, оставив Алину подошедшему к ним Александру – Я пришел забрать тебя из этого Адского мира, который ты создал здесь! Я пришел спасти тебя от себя! Я пришел вернуть тебя к нашему Отцу Элоим!

– Да! А ты спросил, хочу ли я! – крикнул Миленхириму Элоим – Но, я рад тебя видеть брат, мой, Миленхирим! Я давно не видел твоего лица, Миленхирим! Я давно не видел своего лица!

– Вернись к Богу, Элоим! – громко сказал Миленхирим – Он ждет тебя, как своего сына! Он не винит тебя, ни в чем! Он прощает тебя за все!

– Он прощает меня?! После моего побега?! – переспросил Элоим Миленхирима – И хочет моего возвращения?!

– Да! Как и моего! – произнес Миленхирим – Столько столетий мы не в Раю, брат мой! Тебе не тоскливо в своем этом отброшенном от мира Бога мире, Элоим! Там наш мир! Там наши братья, Элоим!

– Он не накажет тебя, Элоим! – он произнес громко и четко – Он прощает тебя! Брат, мой! Отец ждет нас!

Миленхирим снова произнес – Элоим, вспомни наш мир –

обратился Миленхирим к своему падшему брату – Вспомни нашего Отца, Элоим! Вспомни всех и вспомни меня своего старшего брата Миленхирима! – он продолжил через небольшую паузу – Кто, как не я, всегда любил тебя! Вспомни Умбриэля! Вспомни, Элоим! Как нам было хорошо втроем в тех Райских кущах! Посмотри, на что ты променял все! Смотри, что ты натворил, Элоим! – Миленхирим снова ненадолго, замолчал, потом продолжил – Но Отец прощает тебя и ждет нас обоих! И Умбриэль ждет тебя, брат мой, Элоим! Вспомни Умбриэля! Вспомни его, Элоим! Вспомни его доброту к тебе как к младшему моему брату! Вспомни его внимание и его руки, Элоим! Вспомни и меня, брат мой! Вспомни и мою к тебе любовь! – Миленхирим мысленно всей своей теплотой родного брата коснулся разума своего падшего родного брата и пробудил его – Я всегда думал о тебе, мой любимый родной брат! – и энергия Миленхирима слилась с энергией родного его брата Элоима. Она голубым свечением проникла в душу Элоима и смешалась с его душой.

Элоим вспомнил его и все, что связывало их как братьев. Он вспомнил Миленхирима и как он обнимал его как младшего брата. Как он подхватил его рожденного из струящегося яркого живого потока звезд на свои руки родного брата. Его Элоима следом за ним рожденного.

Как прижал к себе, и он ощутил жар его Ангельской души. Его силу и теплоту там, в Райских кущах их Родного Отца. Он вспомнил то, что он тогда сказал ему. Про то, что не оставит своего брата, чтобы не случилось с ним и где бы он не был. И то, что он прейдет за ним, куда угодно, лишь бы вернуть ему свою любовь родного брата. И вернуть его домой.

Все сбылось, как он говорил, все в точности как ему тогда сказал, это его были первые слова, слова клятвы брата брату и по щеке Элоима, потекла слеза. Горькая слеза всего в шаге от Рая.

Всего в шаге от Рая и сердце Элоима дрогнуло. 0

нем не забыли и пришли за ним. Он так соскучился по родным. По своему брату по Ангелам, которых покинул из-за любви к этой ведьме Ада Изигири. Он захотел назад. Он захотел домой. Он смотрел на Алину, в ее полные любви к нему девичьи глаза. Настоящей любви и вспомнил все, кем он был тогда и кем теперь стал. Он смотрел на стоящего перед собой молодого неизвестного человека говорящего языком его родного брата и видел зеркальное отражение самого себя в том юношеском человеческом теле. Это действительно был Миленхирим. Это яркое свечение ментально-астрального света и его силуэт из этого света. Крылатый силуэт своего родного брата. Только он это видел и никто больше.

– Вспомни Отца нашего, Элоим! Вспомни его заботу о тебе все те годы, что ты был там, в Раю! – произнес Миленхирим снова Элоиму – Зачем ты, сбежал из своего родного дома, брат мой?! Вспомни, кем ты был рожден. И кем ты теперь стал, живя здесь! Ты губишь себя и все вокруг! Ты разрушаешь все. И разрушаешь себя, Элоим! Ты рушишь даже этот созданный тобой храм! Храм своей Ангельской души! – Миленхирим громко говорил на весь полуразрушенный храм Элоима. Его было слышно на весь его черный лес. Он говорил на нескольких языках одновременно и на нескольких голосах понятных только Ангелам.

И Александр с Алиной стоя за его спиной и ничего толком не понимали. Александр сжимал острый секач, желая его пустить в ход, но Миленхирим, предвидя это, загораживал постоянно его молодой юношеской спиной Вадика, и не давал совершить глупость.

– Ты наказал себя, Элоим! – сказал Миленхирим – Но только, за что?! Это ли выбор?! – и Миленхирим внезапно замолчал, глядя глазами Вадика на своего родного Райского в прошлом брата.

– Не правда, мой ненаглядный муж, Элоим! – прокричала громко под сводами храма любви взбешенная Изигирь – Они оставили тебя здесь со мной! Они не любят тебя, как

люблю тебя я Изигирь! Не слушай их! Они хотят разрушить нашу любовь и нашу семью, мой ненаглядный Элоим!

Но, Элоим молчал и смотрел на своего родного брата в теле Вадика и Алину, не сводя с них своих светящихся голубым пламенем глаз.

Внезапно от одной из колонн, скользнула, извиваясь, черная тень. Она нырнула в белый туман. И вынырнула уже у любовного ложа Элоима.

Приобретая тело вновь танцовщицы смуглянки, в наряде танцовщицы, Изигирь вползла на ложе к Элоиму, стараясь привлечь его внимание на себя.

Элоим на Изигирь не смотрел. Он смотрел на любимую Алину. Как под гипнозом он не сводил с нее своего взора. Алина стояла, теперь поднявшись с пола и прижавшись к Миленхириму. Элоим молчал. Он о чем-то думал.

– Элоим, одумайся! – заговорила Изигирь умоляюще ласковым змеиным голосом Суккуба, снова уговаривая его – Как же наши, Элоим, будущие

дети! Эта сучка отнимет их у нас! Она разрушит нашу любовь, любимый мой, Элоим! Она уничтожит наш созданный тобой мир! – совершенно голая танцовщица в одних в золоте узких плавках, подминая под голыми ногами прозрачную восточной танцовщицы на золоченом поясе вуаль, звеня золотыми браслетами и сережками в ушах, ползла на четвереньках к Элоиму по ложу. Она остановилась у самых ног сидящего и безучастного Элоима, который, не обращал на нее внимания.

– Как же я, Элоим! – она, рыдая навзрыд, заползла в слезах осторожно на колени к своему возлюбленному мужу – Элоим! Ты уже давно отстранился от Неба! – рыдала Изигирь, припадая к нему и его ногам полной упругой с торчащими сосками голой грудью, и смотрела ему в глаза – Там никто уже не будет рад тебе! – Изигирь поползла дальше, вверх по полулежащему телу Элоима. Она всем телом легла на него и поползла медленно и осторожно

как змея, скользя по нему. Изигирь своей голой женской грудью наползла на грудь лежащего боком на каменном ложе Элоима. Она своим демона женским лицом почти коснулась его лица. Тяжко дыша и обжигая любовной страстью лицо Элоима, она произнесла – Ты грешен, как грешна и я! Я единственная, кто будет любить тебя вечно! – Изигирь обвила его своими в золотых браслетах танцовщицы смуглянки руками – Единственная, Элоим! Не слушай их! – Изигирь закричала, указывая пальцем молодой наложницы рабыни танцовщицы, на стоящих перед Элоимом Миленхирима и Алину с Александром. Они разрушают наш мир! Твой мир, Элоим!

– Заткнись, адская стерва! – крикнул Миленхирим, шагнув в сторону каменного ложа – Ты отняла у меня родного брата! Ты разлучила его со всеми, кого он любил и знал! Ты отняла сына у его Небесного Отца!

– Заткнитесь все! – рявкнул, как дикий страшный зверь на многих голосах Элоим – Мне судить всех в моем мире! Я тут главный и мне решать, что и как делать!

Он повернулся к Изигири лицом. Его глаза сверкнули как молния, обжигая ненавистью уже, а не любовью ее любовницы взор черных как ночь очей – Заткнись, чертова стерва! – крикнул на Изигирь Элоим. Она в испуге, отшатнулась от него, а он, подымаясь, и, садясь, сбросил с себя любовницу, с ложа, и схватил Изигирь за горло – Ты виной всему! И моя любовь к тебе, стала причиной моего падения! Только сейчас я все понял! Какова цена моего падения! Как я мог, только полюбить такую тварь! Тварь, убившую во мне Ангела! Тварь, жаждущую чьей-то, постоянно смерти! – он сдавил Изигирь ее женское горло своей сильной мужской рукой – Это ты виновата в том, что я стал такой! Это ты сделала, так что умирали все, кого я любил в своем выстроенном мире! Все делала ради себя, мигера Ада!

Ты наслаждалась моей болью и утратой и купалась в крови мною убитых! Из-за тебя я чуть не убил любящую меня единственную

женщину! И я предал когда-то своего Отца Бога! Предал всех и Небеса и своего родного брата! – Элоим не разжимал своей смертельной хватки руки, которая покрылась вновь чешуей, и выросли на пальцах когти. Они вонзились глубоко в шею дергающейся от боли в его той руке рядом с ним длинноволосой и чернявой рабыни танцовщицы смуглянки, которая превращалась на глазах у всех в Суккуба демона, в какого превращался, и сидящий на своем ложе Элоим. Над ложем замелькали расправленные перепончатые крылья и завились, извиваясь как змеи длинные хвосты.

– Элоим! – зашипела, передавленным его когтистой рукою горлом, хрипя Изигирь – Как же наши дети, Элоим! Я полна ими вся, Элоим! Мой сосуд полон нашими детьми, Элоим! Пожалей своих детей!

– Заткнись, мигера! – крикнул снова он на весь свой полуразрушенный храм любви – Это все ты! Ты соединилась со мной своим сожженным в огне собственного Ада телом! Ты превратила меня в это поганое чудовище! Но, ты не убила мою ангельскую душу! Я любил, и буду любить, кого захочу! И буду снова любить своего Бога!

– Элоим! Милый мой, Элоим! – она вырывалась и кричала на весь храм любви – Я отдала тебе свою всю себя и лишилась ради той любви всего даже своей ангельской души и стала смертной ради тебя! А ты предал меня! Ты предал меня! Предал наш мир Элоим! И предал наших будущих детей! – она схватила своими в чешуе руками его ту когтистую руку и пыталась вырвать ее из своей Суккуба шеи. Вырвать его Элоима из нее вонзенные глубоко кривые зверинные когти.

– Как я только мог полюбить такую тварь! Полюбить такое чудовище! Это ты, сделала меня таким, каким я стал! Это все, ты! – рычал по-звериному, не выпуская Изигирь из своей когтистой лапы руки Элоим. Он, распустив за своей спиной перепончатые большие в стороны крылья, отшвырнул ее от себя в белый туман.

Послышался громкий удар о каменный храма пол. Там, где-то в белом, ползущем поверх его тумане, раздался дикий женский звериный хохот. Изигирь превратившись из демона Суккуба снова в черную тень, сверкнула злобными горящими черными очами и вилась в тумане змеей – Ты предал меня, ты проклятый Богом Ангел, ставший Инкубом! Ты выбрал и защищаешь ее! Ты защищаешь того, кто для нас всегда был пищей! – Изигирь была в бешенстве. Она тенью стала носиться по каменному храму обрушая внутри все, что попадалось ей на дороге – Ты, осквернил наше ложе своей неверной ко мне любовью! Ты предал меня! Предал из-за любви к своему Богу! Ты хочешь вернуться назад, но я тебя так просто не отдам, ни ей, ни твоему Богу! Ты навечно мой! И ты заплатишься за свое ко мне предательство! Я напою тебя своим змеиным ядом. Я лишаю тебя своей защиты Элоим. И теперь с твоей в душе одной лишь Божественной благодатью и просветленностью, нет тебе от него спасения, как и твоей жалкой земной сучонке! Я убью теперь тебя! И потом всех в этом храме любви! – Она ревела на нескольких голосах как дикий зверь и бросилась на Элома с криком – Я не отдам тебя ему! Ты, мой! На веки пленный! – и вцепилась в правую руку Элоима своими острыми как иглы зубами. Впрыснув свой змеиный яд теперь в уже уязвимого телом своего любовника.

Миленхирим добился своего. Именно этого он и хотел. Он отгородил Алину и Александра за своей спиной на всякий случай. И был готов, если, что к нападению Изигири.

– Ревнивая, подлая бестия! – проревел ей в ответ, взбешенный от боли Элоим и отдернул свою правую руку, смотря на глубокую кровоточащую рваную от ее клыков рану. А Изигирь отпрыгнула в сторону и прокричала ему – Ты лишен моей демонической защиты мой ненаглядный Элоим! И я убью тебя своим теперь смертельным змеиным

ядом!

В тот же момент Элоим теряя облик Инкуба, упал с ложа на пол своего храма в стелящийся по нему туман. Он превращался в облик Небесного Ангела, светясь ярким голубоватым светом и распуская большие со спины, оперенные как у птицы светящиеся крылья.

Александр, было, бросился с ножом в сторону каменного ложа, но Миленхирим преградил ему дорогу.

– Пусти! – крикнул Александр Миленхириму – Я должен убить эту тварь, погубившую твоего родного брата! Эту тварь, из-за которой был убит мой друг Яков. Это, и моя личная задача!

– Нет! – крикнул Миленхирим – Ты только все испортишь! – сказал сквозь зубы Миленхирим ему – Испортишь все! Я знаю что делаю! Я сам должен решить эту между нами проблему! – он схватил Алину за руку и буквально в считанные секунды подлетел к умирающему в агонии своему брату Элоиму. Толкнув ее к нему, он произнес – Присмотри за ним! Ты нужна ему! – он бросился на Изигирь.

В тот момент, когда Алина упала в объятия умирающего Элоима, Миленхирим подлетел мгновенно к черной стоящей и смотрящей в тряске бешено злобной радости на гибель своего предателя любовника Изигири.

Изигирь успела развернуться в его сторону. И он ударил стоящую к нему теперь лицом черную тень. В ее трепещущую от радости мщения полную с голыми сосками грудь. Он ударил потом еще много раз. Разрубая черную тени оболочку и рассекая ее тем ножом насквозь через женскую голую спину. Изигирь взвизгнула от мучительной жуткой боли и отлетела спиной к одной из колонн храма. Больно ударившись о нее, так, что посыпалась часть черепичной храмовой крыши. И Изигирь стала падать, сползая вниз в туман по колонне, развернувшись и обняв ее своими когтистыми руками и глядя страдающими от мучительной боли сверкающими огнем под срезом

вздернутых косых черных бровей, глазами полными ненависти и гнева на Миленхирима. Изигирь стала меняться вся, попеременно меняя свои в судорогах боли демонические облики. От черной извивающейся над туманом тени до красавицы нагой восточной танцовщицы смуглянки.

Она, даже меняла свой цвет, переливалась всеми красками у той колонны, с трудом удерживаясь на своих подкашивающихся от боли ногах. Черная и холодная как лед, кровь Изигири, полилась рекою из ее пронзенной ножом женской вечно страждущей неумемной любви с торчащими сосками упругой груди. Брызгая во все стороны и стекая по ее дергающемуся в судорогах боли голому в танце теперь приближающейся смерти животу. Она потекла по волосатому лобку, по ее влагалищу и по ногам Изигригри. Теперь уже ее черные широко открытые глаза на остроносом демоническом лице смотрели ужасом предстоящей собственной гибели. Она приняла свой истинный облик Суккуба и сползла совсем с опорного храмового столба на пол храма. Звонко ударившись золотой венценосной короной демона о камень столба, расправив в стороны свои драконьи перепончатые крылья и свесив по плечам и до самого извивающегося длинного своего хвоста, по своей в судорогах дергающейся спине, вьющиеся змеями черные волосы Изигирь готовилась к последнему. К родам.

Она опустилась на колени, расставив вширь свои демионы женские в чешуе с когтями на пальцах ноги. Прижавшись пупком голого живота и выгнувшись в спине назад и держась за колонну своими такими же в змеиной чешуе когтистыми руками, Изигирь раскрыла настежь свое Суккуба влагалище из которого, посыпались вниз извиваясь в текущей по нему ледяной крови ее от Элоима детеныши. Прямо в белый медленно ползущий по камням пола туман черными вьющимися кольцами змееныши, падали из ее окровавленной промежности и исчезали в нем и уползали куда-то.

— Спешите! — тихо шептала, шипя она им Изигирь — Спешите

мои детишки! Ваш отец предал вас! Он променял вас на эту земную шлюху! – она как мать говорила им – Спешите прочь, из моего погибающего тела! – Изигирь шептала им и дергалась, выгнувшись, откинув свою в золотом венце демоницы голову. Свесив до пола почти в белый туман длинные черные волосы, и глядя в потолок храма в агонии у той колонны, голыми женскими в золотых браслетах руками, она еле цеплялась уже за ребра опорной колонны, как еще за собственную жизнь, пытаясь не упасть назад.

Изигирь так и не смогла смириться с предательством и изменой. Она стала громко произносить какие-то проклятия очень быстро и на каком-то только ей известном языке, языке Хаоса и на языке того кто был Хозяином того мира. Она вспомнила свое настоящее имя и увидела свою мать, родившую ее когда-то, очень давно, в том мире среди Джинов и Левиафанов. И то, что она была самым первым ангелом, рожденным в том мире и практически первым ангелом равным самому Богу.

Миленхирим, пулей перенесся по воздуху к ней и схватил Изигирь за распушенные вечно длинные извивающиеся как черные змеи демоницы волосы. Та заревела как бешенный дикий зверь на весь каменный храм и пыталась вырваться из рук Миленхирима. Но, поняв вскоре,

бессмысленность своего освобождения, даже замолила его о пощаде, обещая все и всю себя ради собственной жизни.

– Не моли, меня об этом, тварь подлая! Теперь и ты тоже, уязвима! – крикнул Миленхирим, задирая, ее напуганную собственной скорой смертью женскую демона голову перед собой и вытягивая за волосы ее шею.

– Не вырвешься, бестия Ада! – крикнул он. И заскочив сзади Изигири, нанес еще один последний удар острым секачом ножом, со всей своей Ангельской силы по той ее женской вытянутой демона Суккуба шеи.

Последний мучительный крик Изигири перед ее казнью разнесся под сводами каменного затуманенного белым туманом храма любви и разнесся по всему черному лесу. Отражаясь громким протяжным эхом в шумящем под каменной обрыва стеной. В бурлящем прохладной водой призрачном водопаде. Этот ее предсмертный на всех звериных голосах крик, оглушил Александра и Алину. Он вырвался из ее обезглавленного уже, падающего под ноги Миленхирима женского крылатого в чешуе рук и ног с черными кривыми когтями тела. Тела адского демона разврата и похоти. Тела Суккуба Изигири. Ледяная кровь черного цвета ударила фонтаном из обрезка ее шеи над плечами и полетела вверх, падая на пол храма в белый туман.

– Ну, как тебе, меч Божественного правосудия. Проклятая всеми богами ведьма! Думала, что неуязвима! – глядя на ее отрубленную в своих руках висящую на черных волосах и в золотой венценосной короне голову.

– Как тебе освященный ангельской пылью мой Миленхирима меч! – крикнул он ей в последний раз, глядя, как отлетела ее голова, от ее, женского демонического дергающегося в конвульсиях тела. И повисла уже отрубленная, в его Ангела руке.

Тело Изигири упало навзничь на каменный пол их с Элоимом любовного храма. Черная ледяная кровь Изигири с диким шипением летела с ее обезглавленного тела на пол и потекла в сторону умирающего в судорогах Элоима.

Миленхирим посмотрел в ее дергающееся лицо. Перекошенное болью и смертью Изигири. В ее открытые, широко в мольбе о пощаде, под скосом черных бровей, черные еще живые, смотрящие на него глаза, и бросил ее

голову к ногам умирающего своего брата Элоима. И та, покотившись, размахивая длинными черными волосами во все стороны, и разбрызгивая свою летящую с обрубка шеи черную демоническую кровь как раз,

остановилась в его ногах смотря на, некогда, до беспамятства любимого ею Ангела Элоима. Теперь уже остекленелым взглядом звериных черных как уголь закаченных под верхние веки мертвых молящих о пощаде глаз, оскалившись в последнем укусе острыми как иглы зубами. Голова некогда любимой им до беспамятства демоницы любви Изигири. Голова его злобной им теперь презираемой любовницы и матери, сгинувших в белом тумане его демонических детей.

Она лежала перед своей соперницей Алиной и своим любовником, разбросав свои длинные черные как смоль во все стороны, как извивающиеся змеи волосы по каменному в белом тумане полу их любовного призрачного храма. Ее тело еще долго извивалось без головы на холодных камнях, и, извернувшись через согнутую спину в последней судороге, как погибающая змея в петлю, вскоре затихло, каменя как этот каменный храм. Оно словно сливаясь с каменным полом, превратилось в камень. Вспыхнув потом ярким огнем, рассыпалось в пепельный прах, как и лежащая Изигири в золотой венценосной короне отрубленная на полу голова.

– Несчастлиная – еле слышно прошептал Элоим – Так и не могла смириться со своим поражением. Когда-то, я безумно любил ее.

Элоим, принял форму молодого нагого полностью человека, как тогда при их первой встрече. Этакого, лесного Эльфа. С длинными русыми Волосами. И почти, женским лицом. Это то, кем он был на самом деле. Это было его настоящее тело Ангела. Он лежал в руках Алины в белом стелющемся по каменному полу тумане. Элоим весь светился голубоватым ярким изнутри светом и казался от этого прозрачным. Он корчился в непереносимых муках. Его лицо вытянулось и казалось, еще сильнее заострилось. А ямочка на подбородке внеземного Небесного красавца

стала глубже. Брови изогнулись еще сильнее и помутнели голубые от страданий и боли глаза. Он корчился на руках Алины у подножия любовного алтаря своего готического полуразрушенного любовного храма. Здесь же стоял и Александр.

– Долго мучилась, несчастная – прошептал, агонизируя от яда Изигири Элоим – Ее смерть будет не ужасней моей – он смотрел на Алину полными страданий и любви глазами. – Ты должна убить его. Убить, вот этим омытым кровью Изигири мечем, Алина – сказал, Меленхирим подходя к Алине и лежащему своему младшему брату, бросая окровавленный секач перед ней на пол – Ты должна это сделать сама, и именно пока солнце закрыто луной именно сейчас, и тогда, Господь примет его душу обратно.

– Убить его! – она вытаращила на Меленхирима свои синие в слезах глаза – Убить его! Ты об этом ничего не говорил, Меленхирим! – она в отчаяние смотрела на Меленхирима – Почему я! И почему убить! Почему, я должна, убить свою любовь!

– Этого я, как раз и боялся больше всего – сказал, глядя на Александра Меленхирим – Это как раз то, что нельзя доверять влюбленной до беспамятства женщине.

– Но, почему я. И почему, убить! – Алина лила слезы над Элоимом.

– Потому, что ты, жалея сейчас его, доставляешь ему много в довесок ко всему боли – ответил ей Меленхирим – Ты должна освободить его от

Мучений. И освободить теперь, его душу из этого тела. Иначе ему не вернуться домой. Изигирь отравила его своим мерзким ядом, и мучения его могут быть долгими.

– Ты должна, это сделать со мной! – вмешался в их разговор сам умирающий Элоим – Послушай моего брата, Алина. Я буду долго так умирать на твоих руках любовь моя. Изигирь и здесь мучает меня за мою к ней измену. Сделай, любимая моя, Алина. Сделай ради нашей любви. И ради меня.

Его тело рвало Элоима на части – Ты должна убить меня, любимая! – он сквозь муки говорил ей – Проси за меня Бога! И прости за все, что я натворил ради тебя! Это все моя неудержимая неуправляемая любовь всему стала бедой. И моим падением перед лицом моего праведного Отца. Моего Бога – он смотрел в муках в лицо Алины и ждал ее решения. Его тело буквально выворачивалось наизнанку от змеиных ядовитых укусов. Оно стало уязвимым теперь в момент просветления души Элоима. Изигирь сняла с него свою демоническую защиту и сама тоже, самое, сделала с собой. Но ее этот змеиный Суккуба яд мог мучить Элоима теперь вечно. Внутри его раненного пораженного змеиным ядом тела, боролось добро со злом и не находило выхода и успокоения. Ментально-астральная в виде голубоватого яркого в его теле свечения энергия Ангела не давала умереть сыну Божьему.

– Я! Я не могу! – плакала над ним Алина. И тогда Миленхирим на глазах у Александра схватил ее за плечи и потряхнул перед собой – Дурра! Ты что не видишь, он будет мучиться вечно! Из-за тебя дурра! Из-за тебя!

Александр, было, хотел вступить за измученную страхами и любовью молодую девчонку, но Миленхирим сказал ему – Стоять! И он остановился как вкопанный, не смея ближе подходить даже.

– Смотри! – Миленхирим развернул Алину за плечи перед собой лицом к Элоиму – Это по твоей вине страдает мой брат! Ты виновата сука земная в его страданиях и должна выправить ошибку! И спасти его от мучений! Быстро взяла нож! – и он толкнул на колени перед Элоимом Алину, где лежал им брошенный теперь окровавленный кровью Изигири нож. Она взяла его трясущимися от дрожи девичьими руками. И склонилась к Элоиму – Прости моя любовь меня! – пролепетала она ему – У нас нет другого выхода, как только этот!

– Я знаю, Алина. Моя ненаглядная, Алина – сказал тихо он и посмотрел на нее измученным влюбленным тоже взглядом.

Посмотрел в ее девичьи синие глаза. Глаза в слезах его молодой любовницы и танцовщицы. О которой мечтал совсем недавно. Мечтал о их любви. Любви в этом его храме. И в этом белом живом ползущем тумане. Он вспомнил их первую любовную ночь и ее ласки и эти нежные, держащие теперь этот кровавый острый как бритва нож девичьи руки. Ее нагое перед ним тело, раскинутые по сторонам на этом каменном ложе любви в жажде слияния с ним в жарком сексе ее Алины полные и стройные ноги. И девичьи с торчащими от страстного возбуждения сосками полные в жарком страстном дыхании груди. Само Алины дыхание в его лицо, наклонившегося любовника к ее девичьим грудям. Ее девственную промежность и ее стоны, ее стоны и его стоны под сводами этого каменного полуразрушенного похожего на церковь храма.

— Я готов, любимая — он прошептал ей через рвущую его тело Ангела и тело Демона боль — Я готов моя любимая Алина.

Алина подняла мокрый еще от крови обезглавленной Изигири, острый разделочный секач нож. Она подняла его над своей растрепанной

темными волосами девичьей головой. Под жестким и безжалостным надзором Миленхирима. И смотрящего, и жалеющего ее, и ее любовь

Александра. Она произнесла — Господи освободи его! — прокричала в отчаянии и в слезах Алина. Придавая себе храбрости в этот самый ужасный для нее момент — Освободи его от мук! Господи прошу тебя! Он осознал свою перед тобой вину! Пощади его! Я прощаю его! Я земная женщина за все прощаю его! Прощаю ради нашей общей запрещенной любви! Любви Ангела и человека! Я отпускаю его от себя! — и она, проливая свои горькие по своему любимому девичьи слезы, ударила, секачом в трясущихся от дрожи руках по шее несколько раз Элоима. Его голова, брызжа черной ледяной кровью, откатилась от тела и в миг, закаменела, как и он сам,

а душа отправилась прямо к Богу к Райским кушам, где были его братья. Где были все близ Божьего трона Ангелы.

Элоим, умер быстро. Его обезглавленное тело практически не дернулось после того как потеряло голову. Тут же вспыхнув ярким огнем горящего пламени, оно превратилось тоже в пепельный прах и развеялось само, как и пепел Изигири в воздухе в незримом воздушном вихре над полом храма. Затем на этом месте, где лежал Элоим напротив Алины вспыхнул ослепительной яркости светящийся длинными живыми шевелящимися лучами голубого цвета шар. Он, вспыхнув ярким ослепительным голубым светящимся живыми светом, охватил склонившуюся и стоящую на коленях гибкую девичью фигуру Алины. Яркая ментально-астральная энергия уже самого Ангела Элоима обняла напоследок всю целиком Алину. Она даже почувствовала на своей спине его горячие теперь мужские покидающего ее любовника руки и услышала его последние слова. Нежные и ласковые слова любящего ее первого в жизни мужчины – Прощай моя Алина! Прощай навсегда! Я всегда буду помнить о тебе, и любить тебя вечно нашей жаркой страстной любовью! Я эту нашу любовь сохраню на века! У Трона моего Отца! И может когда придет время, я снова увижу тебя, но уже не здесь, а в другом мире, мире любви и вечной жизни! Прощай Алина! – и он устремился вверх к потолку ее комнаты. Ослепляя ее и Александра своим ярким ослепительным лучистым голубоватым живым светом Ангела. Затем он растворился там под потолком в самом воздухе ее комнаты и его не стало.

Алина выронила разделочный окровавленный черной пролитой Инкуба кровью нож на пол и заплакала. Заплакала навзрыд. Закрыв лицо своими девичьими руками, и склонившись к тому месту, где лежал недавно Элоим.

Все сразу вокруг стало меняться.

Исчез тот черный вокруг их покореженный и

исковерканный корявый страшный лес. Он растворился в пространстве вместе с тем сдавленным спрессованным как бы в одном собравшемся этом месте воздухом. Исчез и белый, ползущий по его пологу живой туман вместе с рушащимся окончательно прямо на глазах с грохотом готическим каменным храмом. Даже шум струящейся где-то недалеко от храма в лесном водопаде воды, исчез в незримом пространстве. С каким-то отдаленным громким удаляющимся гулом он исчез в небытие потустороннего мира. Где-то там за пределами этого реального человеческого мира, вернув на место то, что отнял у обоих миров и стал ничем, просто исчезающим в пространстве на границе света и тени серебрящемся голубоватым угасающим светом.

Ленка уже подходила к Алининому дому, как все проходящие стали указывать на небо руками. Они что-то говорили о солнечном вечернем затмении. Практически уже в самой темноте, заставшего Ленку у самого дома ее подружки Алины.

Кругом в этот миг все затихло, да так что давящая тишина нагоняла жути и тревоги на всех и становилась пугающей.

Стихло щебетание птиц и их не стало видно. Да и собаки бродячие в городе все куда-то подевались. Попрятались, кто, куда и притихли.

– Вот это, да! – посмотрела она на небо и на солнце, прикрываясь своей в кожаной куртчонке девичьей рукой – Я совсем забыла! Про затмение то, совсем забыла! А ведь говорили про него по телеку и по радио!

– Красиво, да! – спросили ее стоящие тоже рядом с ней и смотрящие, как Луна закатывалась на Солнце, делая сумрак приближающейся ночи еще темнее, чем есть. Наступила гробовая тишина и казалось, умер весь город. Даже не стало слышно машин. Даже на городских деревьях не пошевелился ни один листик. Ни дуновения воздуха, ни

ветерка.

Ленка смотрела на чудесное явление природы и даже забыла на время куда шла.

Луна полностью закрыла солнце. И так было некоторое время. Все кто был на балконах высотных домов и просто немногочисленные прохожие лицезрели это интересное осеннее затмение. Народу становилось все больше и больше и все смотрели восторженно на небо. Это было чудесно и одновременно страшно. Вот так и осенью. Такого еще не было. Обычно затмение проходило в летнее время, а тут осень.

– Здорово! – сказала еще раз громко, чтобы всем было слышно вслух Ленка, и почти бегом вспомнив, куда только что шла, рванула в дом своей подружки Алинки. Она заскочила в пассажирский лифт и нажала кнопку нужного этажа и поехала вверх.

Алина не видела всего. Как благодаря ей, освободились поработанные этим жутким лесом Элоима человеческие души. Как они устремились всей освобожденной массой или потоком в пограничный район Чистилища. Все до последней за многие века тюремного своего заключения к миру радости и блаженства. Яркими светящимися огоньками, освещая свой стремительный путь к свободе и свету.

Миленхирим подошел к сидящей и смотрящей почти ослепшей от яркого того света Алине. Он поднял ее с колен и прижал к себе – Вот и все Алина он свободен! – Миленхирим сказал Алине – Ты сделала это! Ты его освободила! Он теперь направляется в Рай и пора уже и мне! Мне пора за своим братом и пора освободить Вадика и всех здесь от моего принуждения и каких-либо обязанностей. Мне пора Алина! – и он отошел от нее к центру комнаты под спаленную люстру, висящую на потолке.
А

Александр поднял Алину с колен от пола ее вернувшейся

назад из потустороннего мира сновидений спальни и прижал к себе.

А Миленхирим сказал – Я возвращаю тебе Алина твоего знакомого Вадика. Любите друг друга! Это залог вашего будущего счастья! – сказал он им – Любите своих родителей! И своих будущих детей Алина! – и он тут же вышел из тела Вадика светящимся ярким ментально-астральным сгустком энегии, отпустив его, пихнув в спину в сторону Алины, и она подхватила его вместе с Александром. Вадик же, быстро перейдя в себя, не мог долго понять, что здесь происходит, и где он сейчас находится,

но Александр прижал его своей сильной рукой атлета к своей груди за шею, не дав поднять с перепуга панику на весь дом.

Вадик смотрел ошарашено по сторонам, открыв от непонимания незнакомой обстановки свой двадцатилетнего парня рот. Он напугано смотрел по сторонам и на светящийся перед ним яркий горящий голубоватым светом шар. Весь трясся от страха.

– Спокойней, парень – сказал громко ему на ухо Александр – Ты в жизни вряд ли больше, чего-нибудь подобного увидишь! Наслаждайся!

Вадик смотрел ошарашено и перепугано на то, что было совсем недавно в его юношеском теле. И читало ему постоянно морали. Он смотрел на уходящего в Рай Ангела Миленхирима. Настоящего Ангела Миленхирима, которого не видел никто из земных людей. Кроме троих в комнате Алины.

Они видели светящийся поток яркого во все стороны голубого лучистого света. Такого же, как и свет Элоима. И из этого света

выделялась человеческая высокая фигура. Фигура, сильно напоминающая для Алины Элоима. Как две капли воды, похожая, на того лесного Эльфа, с длинными развевающимися по воздуху волосами. Только цвет волос был другой не русый, а более темный, скорее пепельный.

Перед Алиной стоял еще один ее возлюбленный Элоим. Он смотрел на нее горящим ярким светом голубыми, как и у Элоима красивыми под изогнутыми бровями, на остроносом и миловидном как у женщины лице глазами. Алина жалобно снова заплакала громко навзрыд, а Ангел сказал напоследок – Прощай, Алина!

– Ты спасла, и меня, Алина! Спасибо, тебе! – Миленхирим сказал Алине – Теперь и я, обрел свободу! Я желаю тебе, Алина, счастья и возвращаю все на свое место! Твоих родителей и твоего Вадика! – он замолчал вдруг, потом добавил – Алина! – сказал Алине Миленхирим – Заботься о нем! И люби его! И забудь все, что здесь с тобою произошло! И будь счастлива!

– Прощай и ты, Александр! – он обратился к своему помощнику – Хоть наша встреча была недолгой. Ты был хорошим подспорьем в нашем Ангельском деле! Я бы пошел с тобой в бой, Александр! Я желаю и тебе, счастья, и очень скорой любви!

Александр сделал удивленные глаза, молча слушая, чуть тоже не плача Миленхирима. Его сердце закаленного крутыми неприятными переменами и жизнью мужчины, растрогалось от такого чувственного расставания.

Миленхирим раскрыл свои, светящиеся ярким ослепительным светом. Похожие на птичьи в оперении, огромные за своей спиной крылья.

– Прощайте! – громко еще раз он повторил им всем Миленхирим, и, вспыхнув ярким весь светом, превратился в такой же, как и Элоим светящийся большой шар. Шар взмыл к потолку возле спаленной люстры и растворился тоже в воздухе, словно, пронзив этажи всего дома до самой крыши, вылетел вверх и вознесся к Небесам. Он исчез, как будто его и совсем не было, как и его брата Элоима и этого страшного черного леса и той кровожадной Изигири. А, Алина Александр и ошарашенный Вадик остались стоять в спаленной комнате, в которой и застали их родители Алины.

Ничего, тоже не понимая, что происходит, после долгого

принудительного гипнотического сна, они, проснувшись внезапно, ворвались в спальню дочери и теперь требовали от дочери объяснения. Особенно ее мама. Кто эти все люди, которых они с ее отцом не знали? И как оказались у них дома?

А, Вадик и Александр, молча, терпя нападение, теперь смотрели друг на друга и на Алининых родителей, и смотрели на Алину и думали, как теперь выкручиваться.

В это время прозвонил звонок в дверях Алининой квартиры. Но, ни кто не шел открывать. Все так и стояли, и вопросительно, глядели друг на друга.

Алина, первой отошла от всего, что с ней случилось, и, вспомнила о Ленке, что только Ленка могла так долго и настойчиво звонить в дверь.

Возможно, она давно уже звонит, а никто и не слышит изо всего, того шума, который подняли родители.

Она быстро сказала – Вадик, Александр это мама, а это папа, знакомьтесь.

И бросилась открывать дверь.

Она подлетела к входной в квартиру двери и открыла ее.

На пороге стояла вертехвостка подружка Ленка.

– Че, Алинка, не открываешь! Я уже долго здесь стою и звоню! Всю дверь обтерла! – она, ворвалась, как обычно по установленной привычке в Алинину квартиру – Ну, наконец-то, я добралась! – радостно громко, порядком измученная автобусной давкой и пробками, прокричала Ленка – Алинка, ты дома! Ура-а-а! – и она повесилась на шее у подружки – Кто-нибудь, видел затмение?! А?! – продолжила кричать на всю квартиру Ленка – А я, видела! – Ее громкий девичий крик пробудил всех от охватившего в доме ледяного вопросительного от неожиданной и необъяснимой встречи оцепенения.

Ленка с озорством ребенка проскочила в коридор в сторону спальни Алины, летя впереди ее – Родоки дома?! – кричала она – Гулять пойдем?! – и налетела на родителей Алины – Здрасьте, тетя Полина! Здрасьте, дядя Игорь!

И тут же налетела на выходящих, следом за ними из спальни Алины Вадика и Александра. Она отскочила к стене коридора, вытаращив свои девчонки озорные синие, под вздернутыми черными бровями, как и у Алины, напуганные неожиданной встречей глаза.

– Здорово, Вадик! – удивленная неожиданной встречей, Ленка ему приветливо крикнула. И тут же Ленкины озорные синие глазки сверкнули радостью неожиданной и долгожданной встречи. И она тихо и нежно пролепетала, глядя влюблено на сорокалетнего мужчину – Здравствуйте, дядя Саша!

Конец

Киселев А. А. Mistika we fantastika